

ДЕНЬГИ,

САТИРА.

Сочиненіе

Николая Невѣдомскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1833.

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

ДЕНЬГИ,

САТИРА.

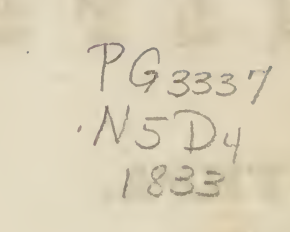
Соч.

Николая Невѣдомскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛЮШАРА.

1833.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 29 Іюня 1833 года.

Цензоръ Никитенковъ.

I.

Что умъ для дѣлъ, рука для плуга,
Что мужъ покорный для жены,
То Деньги для земнаго круга!
Душа любви, душа войны,
Дороже длинной родословной,
Плѣнительнѣй мечты любовной,
Вездѣ гремушка стариковъ,
И убѣдительнѣй штыковъ!
Притомъ такого блеску, цвѣту,
Что, право, у иныхъ рука
Не дрогнетъ, чорту съ молотка,
Продать подлунную планету!
Какъ съ золотомъ Чума придетъ —
Толпу поклонниковъ найдетъ!
Ученый, слѣдственно упрямый,
Доказываетъ мудрено
Горшкомъ плавильнымъ, что оно

Металлъ тяжелый самый:
Не правда, золото легко —
Съ нимъ залетаетъ высоко
Нестоющій веревки крѣпкой,
Что бъ петлей вздернуть къ облакамъ,
Ближайшая родненька пнямъ,
Бродящій по переднямъ пѣшкой.
Со свитой даже обрѣзныхъ,
Но звонкихъ рыцарей Голландскихъ,
Не совершишь затѣй какихъ
Наполеоновыхъ и дамскихъ!
Не будь той свиты у него —
Не помогла бъ любовь Фортуны,
Шутихой пробѣгли бъ его
Преградъ незнавшіе перуны! —
Сердца и головы людей,
Сей нравственной олла-потриды, (1)
Въ чемъ хочешь убѣдятъ скорѣй
Ума Минервы, глазъ Киприды!
Друзья — какъ знаю это я —
Съ часами солнечными сходны:
Лишь въ красный день на службу годны,
Но Деньги въ черный день друзья!
Наука хитраго Правленья
Составлена вся изъ умѣнья
Побольше золота сбирать,
Поменьше золота давать! —

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Слезами и сиротъ и вдовъ,
Какъ ни кропило ихъ кружковъ
Перо судьи, булатъ героя;
Какъ ни маралъ ихъ ножъ разбоя;
Какъ ни обрѣзывалъ ихъ Жидъ,
Все къ нимъ любовью чрезвычайной
Родъ человѣческій горитъ,
Во всемъ другомъ непостоянный!
Пусть это слабостью земной,
И слишкомъ ужъ землею пахнетъ!
Но Министерство какъ ни чахнетъ
Трудясь рукой и головой —
Нѣтъ средства добраго и злаго
Для царства малаго, большаго,
Стоять безъ слабостей людскихъ:
Какъ только зависти не станетъ,
Талантовъ много въ воду канетъ!
У дамъ придворныхъ и степныхъ

Возмите только страсть рядиться —
Совѣтники Мануфактуръ
Пойдутъ отъ голода топиться,
Иль сочиненію микстуръ
Учиться на умору нашу!
А бородатыхъ богачей,
Доселѣ кушающихъ кашу,
Отлакомьте отъ барышей —
На биржѣ будетъ въ день торговый,
Какъ въ Гарпагоновой столовой!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Безъ карточной игры давно бъ
Переселился въ вѣчность клобъ!
А безъ него куда дѣваться
Отъ службы, дружбы и жены?
И слишкомъ многіе, признаться,
Чуть не ему ль одолжены
Образованьемъ, состояньемъ;
Найдешь въ немъ въ ужинъ и въ обѣдъ
Людей съ умомъ, людей съ познаньемъ,
Но болѣе того газетъ.

Скажи, гдѣ, по какому чуду,
Безденежность еще не зло!
Особенно, когда повсюду

Въ обыкновеніе вошло
Давать въ займы однимъ богатымъ;
И въ женихахъ, и въ откупахъ,
Не быть безъ видовъ таровагымъ,
Хоть много вѣтру въ головахъ.
Какъ пухъ подъ бокомъ, а не спится,
Какъ поданъ лакомый обѣдъ,
А въ ротъ нейдетъ, то говорится:
Что̀ Деньги, какъ здоровья нѣтъ! —
Глупецъ ихъ проситъ, умный ищетъ!
Стоитъ ли въ мірѣ тишина,
Война ли и гремитъ и свищетъ,
Все только смерть одна, одна
Безъ Денегъ людямъ достается!
Въ пріютъ подножный мертвецамъ
Безденежно лечь удается,
По добрымъ, по худымъ дѣламъ,
Въ однихъ сраженьяхъ да балладахъ!
И въ дамахъ, и въ Секретаряхъ,
Ищите съ Деньгами въ рукахъ,
Иль встрѣтятъ, какъ при нѣжныхъ взглядахъ,
При первомъ пылѣ страстныхъ словъ,
Въ классическихъ комедьяхъ многихъ,
Любовники встрѣчаютъ строгихъ
И холостыхъ опекуновъ.
Сама трещетка отъ привычки
Казаться будетъ пѣньемъ птички;

Но, право, мочи вовсе нѣтъ
Привыкнуть къ неимѣнью Денегъ!
И койкой, отъ карманныхъ бѣдъ
Покажется родимый берегъ,
И, словомъ, за дурной трактиръ
Покажется весь этотъ міръ
Съ театрами и солнцемъ Майскимъ,
Съ красавицами и Шампанскимъ! —
Друзья! безъ Денегъ нѣтъ друзей!
А къ Деньгамъ нѣтъ прямыхъ путей:
Нашъ Дудкинъ честности извѣстной,
У Дудкина мильонъ прелестный,
А это капиталъ такой,
Котораго никакъ не можно
Себѣ составить подъ луной,
Не запуская осторожно
Своей руки въ карманъ чужой!
И, какъ въ таблицѣ умноженья,
Въ томъ нѣтъ малѣйшаго сомнѣнья;
И, даже, если бъ мой колпакъ
Имѣлъ хоть маленькій даръ слова,
И тотъ бы отъ ума большаго,
Кивнувъ верхушкой, молвилъ *такъ!*

Однообразья не любя,
Нашъ міръ на самого себя,
Почти чрезъ каждые полвѣка,
Такъ не походитъ, какъ портретъ

Годовъ преклонныхъ человѣка,
Снятой съ него во цвѣтѣ лѣтъ:
Но все для Турка и для Грека
Возможности нѣтъ никакой
Безъ Денегъ совершить дорогу
Ни въ этотъ міръ, ни въ міръ другой!
Все меньше Денегъ, больше долгу,
И потому-то: *я купилъ*,
Еще не значитъ: *заплатилъ;*
Такъ пропадаетъ слухъ отъ встрѣчи
Съ заимодавцемъ, что изъ рѣчи
Преубѣдительной его
Не слышно слова одного!
Иной ужъ ставитъ честь на карты;
Въ Ломбардѣ, не на ручкахъ дамъ,
Бываютъ чаще бралліанты;
Вездѣ по платью встрѣча намъ,
Вездѣ по состоянью проводъ!
И есть дурнымъ вельможамъ поводъ
Изъ пальцевъ сочинить крючки,
И съ ними всю ладонь руки
Грѣть, грѣть въ карманахъ у народа,
Хотя не холодна погода!
И отъ ума во взорѣ свѣтъ,
И самые шестнадцать лѣтъ
Такъ не къ лицу невѣстамъ многимъ,
Что человѣкъ со вкусомъ строгимъ

Въ достоинствахъ земель, домовъ,
Хоть морщась, но скорѣй готовъ
Въ свою кормилицу влюбиться,
Чѣмъ на одной изъ нихъ жениться!
Божбѣ кокетки и купца,
Слезамъ наслѣдника, текущимъ
Надъ гробомъ дядюшки скупца,
Газетамъ будущимъ и сущимъ,
Особенно когда война,
И векселямъ, всѣхъ смертныхъ мнѣньемъ,
Одна ужъ вѣра суждена!
Чуть не вездѣ ль, за исключеньемъ
Воды весной, снѣговъ зимой,
Все на счету, все въ записной:
У лекаря его піявки,
У дѣвушки ея булавки,
(Въ вѣкъ Арифметики живемъ)
И соль какъ сахаръ подъ замкомъ!
Отъ многихъ воеводствъ заботы,
Какъ отъ созрѣвшихъ дочерей,
А прибыли какъ отъ зѣвоты!
Правдивый журналистъ скорѣй
Намъ въ похвалу перо притупитъ,
Чѣмъ наши сочиненья купитъ!
Въ иныхъ домахъ такой обѣдъ,
Что гость голодный за обѣдомъ
Желаетъ почитать газетъ,

Въ отраду шепчется съ сосѣдомъ:
Ужо поужинаемъ мы!
Иной невѣстѣ, средь зимы
И средь Москвы, не разъ сгруснется,
Хотя мигрень беретъ ее,
Какъ скоро разговоръ начнется
Про деревенское житье;
Какъ отъ любовной переписки,
Въ которой поймана жена,
Гремитъ домашняя война
Отъ счета, безъ большой приписки,
Скрѣпленнаго торговкой модъ!
Конямъ въ ѣздѣ, лакеямъ дома
Дается у иныхъ господъ
Ударовъ болѣе, чѣмъ корма!
Ужъ и поэта не беретъ
За чтеньемъ Таэра зѣвота;
. . . .
. . . .
. . . .
И если нѣтъ какаго вздора
Въ святой таблицѣ Пиѳагора,
То черезъ годъ, черезъ другой,
(Хотя ужъ у Руси святой
Предѣлы слишкомъ не маленьки)
Придется ѣхать на луну
Для пріисканья деревеньки

Такой, чтобъ не была въ плѣну
У Опекунскаго Совѣта.—
Богъ не проститъ ему грѣховъ,
За то что онъ, съ меня поэта,
Въ уплату не беретъ стиховъ! —

II.

Хитеръ безденежный народъ!
Порой и свадьбы и поминки
Справляетъ на казенный счотъ!
Такъ ищетъ Денегъ, какъ тропинки,
Потерянной въ лѣсу глухомъ;
Ужомъ ползетъ, хватаетъ львомъ!
И продаетъ и покупаетъ!
Такъ съ совѣстію поступаетъ,
Какъ съ молью въ дорогомъ мѣху;
Что ни наудитъ, все въ уху!
Для барышей, порою тщетныхъ,
Не лѣнь такъ далеко зайти,
Какъ только можетъ ноги смертныхъ
Планета наша донести.
Сварилъ для мировой съ желудкомъ
Супъ изъ обглоданныхъ костей, 2)
Такой, что лакомь имъ гостей!
А ногъ не замѣня разсудкомъ,
Схитрилъ ѣзду безъ лошадей! (3

При всѣхъ ухабахъ, косогорахъ,
Спокойную, какъ мой халатъ;
И скорую, и на ресорахъ
Такихъ, что совѣсть усыпятъ,
При помощи подушекъ съ пухомъ!
Пусть нынѣ времена не тѣ,
Чтобы уѣхать на кнутѣ:
Безденежный Фортуну духомъ
Догонитъ на котлѣ съ водой!
Быть молоткомъ иль наковальней,
Готовъ въ угодность той слѣпой;
И на войнѣ, и въ залѣ бальной,
Онъ занятъ ловлею глупцовъ.
Беретъ то крапомъ, то конкурсомъ,
То просто носкою роговъ,
Журнальной желчью, тонкимъ вкусомъ
Въ созданьяхъ кухни, въ тряпкахъ модъ;
Спинною костью и доносомъ;
Желудкомъ только не беретъ,
Не промышляетъ только носомъ!
Досадуя на кошелекъ
Худой такой, что изъ кармана
Легко украдетъ вѣтерокъ,
Пиѳъ, Докторъ, по хребту Мон-Блана,
Ходилъ до области громовъ
Съ запасной парой башмаковъ;
Тѣмъ крайне одолжилъ науки,

Что падая царапалъ руки,
Цѣплялся фракомъ за кусты;
Что травки, камешковъ въ долины
Принесъ съ Мон-Блановой вершины;
Что къ солнцу двѣ иль три версты
Былъ прочихъ человѣковъ ближе;
На льдѣ какъ на софѣ сидѣлъ;
Близъ тучи съ апетитомъ ѣлъ.
И въ Белибеѣ, и въ Парижѣ,
Нашъ Вралькинъ набралъ коробъ лжей
И про статуй, и про людей,
И про строенья, и правленья —
Весь бросилъ подъ станокъ тисненья!
Лишь бы велася горсть рублей,
А то, какъ рыбѣ до полей,
Нѣтъ дѣла до того, что въ свѣтѣ
Не больше вѣры есть ему,
Какъ сожалѣнію тому,
Съ которымъ пишется въ газетѣ:
Такого-то дня, года, мой
Такой-то родственникъ скончался,
А я наслѣдникомъ остался.
Ужъ подлинно, какъ снѣгу въ зной,
У Вралькина стыда такъ много!
А пользы въ немъ — сужу не строго —
Поменѣе, чѣмъ ничего.
Ужъ не сохвастать по его

Всѣмъ шарлатанамъ въ объявленьяхъ
О свойствѣ чудныхъ порошковъ
И отъ зубовъ, и отъ клоповъ!
Не лжетъ онъ только въ оглавленьяхъ;
Рисуя лжетъ карандашомъ.
Похлопочи-ка, другъ, о томъ:
Нельзя ли отъ лжи лекарства
Найти въ лечебникѣ какомъ!
Химеркинъ славный агрономъ
Въ гостиныхъ, въ Обществѣ Хозяйства,
И у себя въ селѣ зимой;
Но по веснѣ на десятинѣ,
Онъ, какъ Пагода на каминѣ,
Киваетъ только головой;
Статью изъ Таэра бормочетъ;
А Русскій Таэръ съ бородой
Распоряжается, какъ хочетъ.
Хитеръ Химеркинъ: онъ беретъ
Съ самой акаціи доходъ!
Онъ лѣто все ведетъ расправу
Съ скотомъ сосѣдей за потраву;
Моделей столько, что иной
Протопитъ ими домъ зимой:
Модель снопу, модель оглоблямъ,
И даже дудкѣ пастуховъ!
Травой, растущею по кровлямъ,
Едва ль не потчуетъ коровъ!

И только паровой машиной
Не паханы поля его;
Изъ дармоѣдовъ у него
Живетъ одинъ народъ мышиной.
Но умудрившись наконецъ,
Свое имѣнье, какъ на барщвѣ
Въ дворяне вышедшій купецъ,
Прожитъ на книжномъ томъ хозяйствѣ,
Столицы хочетъ убѣдить,
Что не умѣютъ въ Русскомъ царствѣ
Ни боронить, ни молотить!
Что даромъ плуги перетупятъ,
Когда безъ торгу не раскупятъ
Премудро сдѣланныя имъ
И бороны, и молотильни! —
Годятся на протопку мыльни. —
И души, и рубли Максимъ
На карточномъ столѣ оставилъ;
Но былъ къ извѣстнымъ дамамъ вхожъ,
И потому двухъ, трехъ вельможъ
Не даромъ въ ихъ переднихъ славилъ:
Какъ малый только добрый, онъ
Въ Архивъ сидѣть опредѣленъ.
И малой добрый отъ Архива,
Какъ отъ таможни — стоитъ дива —
Живетъ себѣ, въ Ломбардъ кладетъ!
Хипперъ безденежный народъ,

Но все таки мнѣ не понятно,
Какъ этотъ человѣкъ сумѣлъ
Нажиться отъ рѣшеныхъ дѣлъ!
И, признаюсь, — страхъ непріятно,
Что какъ Бояре ни добры,
Но должности такой невидной,
И только для мышей завидной,
Мнѣ не даютъ до сей поры!
Какъ заграничные витіи
Не любятъ матушки Россіи —
Люблю мѣста безъ должностей!
Но всѣхъ возможныхъ мѣстъ, ей, ей,
Прекраснѣй мѣсто попугая:
За то, что весь онъ въ голубомъ,
За то, что изъ чужаго края,
Рѣчисто, громко дуракомъ
Бранитъ и барина и дочекъ,
Ему дается по всѣ дни
И хлѣбъ и сахару кусочекъ.
Вотъ мѣсто: кушай, да брани!
Пилюлькинъ, лекарь неизвѣстный,
Соскуча въ дрожкахъ, не въ двумѣстной,
По городу смерть развозить,
Вдругъ съ купленнаго одобренья
(Скажи, чего нельзя купить?)
Пустилъ по почтѣ объявленья,
Что съ многостоющимъ трудомъ

Аптеки цѣлаго полміра
Вмѣстилъ онъ въ пузырькѣ одномъ
Недорогаго эликсира,
Листы о томъ же пригвоздилъ
Къ стѣнамъ кандитерскихъ, кофейныхъ,
Не просто — въ рамочкахъ затѣйныхъ,
Чтобъ каждый сразу отличилъ
Отъ объявленій о романахъ,
Такъ историскихъ что страхъ,
О гувернерахъ, лошадяхъ,
О представленьяхъ въ балаганахъ.
Въ тожъ время, какъ разодолжилъ
Всю Русскую литературу:
Журнальному бойцу микстуру
Отъ желчи даромъ сочинилъ,
А тотъ, дворянъ провинціальныхъ,
Страницей цѣлой словъ похвальныхъ
Лекарству новому плѣнилъ. —
Дивясь успѣхамъ Медицины
И размноженію аптекъ,
Не знаю, отъ какой причины
Все таки смертенъ человѣкъ! —
— »Скажи Шалунскій, что съ тобой?
»Бывало, такъ соришь имѣнье,
»Что мотъ приходитъ въ сожалѣнье;
»Иль изучаешь, день деньской,
»По рестораціямъ бильярды

»На зло студенту простаку,
»И вышедшему изъ полку
»Корнетомъ въ уличные франты!
»Бывало, тоны задаешь,
»И сколько есть угловъ у карты,
»Всѣ на пропалую загнешь,
»И самое загнешь въ добавокъ!
»И собственная голова
»Тебѣ, бывало, трынь-трава!
»Весь таборъ лучшенькихъ Цыганокъ
»Былъ въ полномъ вѣдѣньи твоемъ;
»Послѣдній грошъ стоялъ ребромъ!
»И сахаромъ не Русскій портеръ,
»А Зельцерской Клико не портилъ!
»Теперь къ Цыганкамъ ни ногой,
»А на бильярды ни рукой;
»На распечатанныя карты
»Глядишь, какъ дѣти на ландкарты;
»И за здоровье ужъ не пьешь,
»И о хозяйствѣ рѣчь ведешь:
»Помилуй, что съ тобой, Шаллунской?» —
— »Какъ что? — Подъ вексель не добьюсь,
»Деревню стукнулъ Опекунскій,
»И потому я — бррь — женюсь!....
»Мнѣ голому, какъ шаръ бильярдный,
»Влюбленному въ билетъ ломбардный,
»Какое дѣло, что *она*

»Препепростительно дурна!
»Что холмикъ украшеньемъ заду,
»Что рядъ зубовъ и часть грудей
»Принадлежатъ къ ея наряду; —
»Веснушекъ много есть у ней,
»Но болѣе того рублей!
»Ну, право, только для киванья
»Гостямъ во время присѣданья
»Ее головкой рокъ ссудилъ!
»Но тѣмъ меня разодолжилъ,
»Что братцами ее забылъ:
»Намъ женихамъ всѣ эти братцы
»Не понутру, какъ чорту святцы! —
»Здѣсь у нея кварталъ родства;
»Меня, въ горячкѣ сватовства,
»Не оставляетъ безъ надзора,
»Какъ поведенье рукъ понтера
»Нашъ братъ прошколенный понтеръ.
»А сѣвшія въ невѣстахъ тётки,
»Столѣтья прошлаго красотки,
»Вступили въ страшный заговоръ
»Противъ всѣхъ встрѣчныхъ, поперечныхъ:
»Ихъ мучатъ пискомъ безконечныхъ
»Распросовъ, спросовъ обо всёмъ:
»Умѣю ль дорожить родствомъ?
»Хмѣльнаго не употребляю ль?
»И Бога, и хозяйство знаю ль?

»Яжъ поскорѣй бѣгомъ, бѣгомъ
»Отъ Египтянокъ, отъ бутылокъ,
»Отъ кія, карты съ уголкомъ,
»Чтобъ не забрили мнѣ затылокъ!....
»Фортуну за уши схвачу,
»И съ двухъ концовъ зажгу свѣчу!
»Съ тѣхъ поръ, какъ люди кушать стали
»Такихъ обѣдовъ не ѣдали,
»Какими закормлю Москву!
»И Клобъ, и таборы зову!
»Начну отъ самаго подъѣзда
»Шампанскимъ наливать гостей,
»А скрыпки съ цѣлаго уѣзда
»Я соберу для ихъ ушей!
»Ѣшь вкусное, пей выписныя,
»Пускай блѣднѣютъ восковыя
»Отъ разсвѣтающаго дня!
»На удивленіе столицамъ
»Поскачетъ рыжихъ четверня!
»Актрисамъ — лучше танцовщицамъ,
»Кое-что будетъ отъ меня!
»Что твой концертъ, какъ гончихъ стая
»Зальется, сѣрыхъ выставляя!
»Ва-банкъ на выдержку загну,
»Какую, право, не взгляну,
»И отогнуться не упросятъ! —
»Тогда я вспомню про жену,

»Какъ объ ея здоровьѣ спросятъ!»—
  Барцовъ, трактирный Бонапартъ,
Не бравъ отъ роду въ руки картъ,
Живетъ ѣздою съ шуллерами
На Коренную и въ Ростовъ:
Проклятые шалятъ руками,
Потягиваетъ пуншъ Барцовъ,—
Скромнѣй невѣсты, тише вора;
Но только смѣй языкъ понтера
Коснуться кой-какихъ уликъ—
Спиною обернувъ безспроса,
Обѣими уйметъ языкъ!
Иль сдѣлавши пліе изъ носа,
Узнаетъ, носитъ ли парикъ!
И этотъ человѣкъ не кроткій
Обходится съ больною тёткой,
Какъ съ травкою нетронь-меня!
То приподняться ей поможетъ,
То подъ бокъ мягкаго подложитъ;
Стремглавъ бросается, съ огня,
Съ питьемъ прописаннымъ, снять чайникъ;
То нѣжно такъ ей носъ утретъ,
То спирту къ носу поднесетъ;
И даже — истинный племянникъ!—
У изголовья, битый часъ,
Въ минуту только разъ зѣвая,
Раскладываетъ пасіансъ.

Съ микстурой чтеніе равняя,
Въ безсонницу больной своей,
Взялъ книжку бывшую потоньше, —
Что строчку прочитаетъ въ ней,
То строчекъ перескочитъ больше;
А между тѣмъ глубокій вздохъ
Готовъ на каждый теткинъ охъ.
Не можетъ выразить, какъ сильно
Желаетъ, чтобъ Господь скорѣй
Помогъ цыпленка скушать ей;
Въ глаза ей смотритъ такъ умильно,
Какъ на беззубыхъ дамъ въ обѣдъ
Глядятъ постельныя собачки,
Во ожиданіи подачки:
У тетки, дѣвы позднихъ лѣтъ,
Деревня есть, духовной нѣтъ;
А такъ бѣдняжка захворала,
Что и злословить перестала!
Вся сила въ томъ, чтобъ поскорѣй
Къ духовной руку приложила,
А тамъ хоть не бери могила
Дражайшей тетеньки костей!
Изъ памяти такъ скоро выдетъ,
Какъ будто не была она
Отъ вѣка Богомъ создана! —
Ужъ чѣмъ того судьба обидитъ,
Чья тетка-дѣва не бѣдна

И деревнями, и годами,
И въ страшной дружбѣ съ лекарями!
Пусть только толстъ, а не уменъ
Уѣздный землемѣръ Антонъ,
Отъ кольевъ и цѣпей дохода
Пока не создала природа;
Но деньгу зашибаетъ онъ
Такъ просто, что не льзя повѣрить:
Пріѣдетъ въ волость землемѣрить,
И если волость не горитъ,
То только тотъ, кто ужъ не ходитъ
Антона съ цѣпью не проводитъ
Туда, гдѣ межевой стоитъ;
Всѣ, какъ съ исправника лихаго,
Пріѣхавшаго въ первый разъ,
Не сводятъ съ астрелябьи глазъ;
Объ ней не скажутъ громко слова.
Антонъ же, сморщивши чело,
Натычетъ кольевъ, цѣпь натянетъ,
Изъ подъ руки на солнце взглянетъ,
И скажетъ такъ: »заволокло. —
«До завтра. — Земскій, рѣжь барашка!...«
— »Кормилецъ, какъ въ раю свѣтло!...
»Помѣрь....« — «Я землемѣръ, не шашка!
»Заволокло, озарники! —
»Пусть подождутъ такіе баре! — «
— »Кормилецъ, ждать намъ не съ руки....

»Вонъ солнышко...» — »Ахъ, Карбышаре,
»Райлисты, до того дошли,
»Что солнцу, а не землемѣру
»Оказываютъ больше вѣру! —
»Куска межеваной земли
»Не стоите вы генерально!«....
Плечами мужики пожмутъ,
У женъ — что не весьма похвально —
У батьки мнѣнья отберутъ,
И потолкавшись головами,
Рѣшатъ какъ многими рублями
Антону жертвуетъ село,
Чтобъ было солнышко свѣтло.
Не то, такъ подавай прошенье,
До сторожа всѣхъ обходи,
Всѣмъ дай, и давши жди пожди,
Пока пріѣдетъ Судъ въ селенье;
На счетъ мірской попьетъ, поѣстъ,
Еще возметъ и скажетъ мало.
Чтобъ кончилъ что въ одинъ присѣстъ
Такого дива не бывало;
. . . .
. . . .
Такъ дѣло повести умѣетъ,
Что у конца конецъ далекъ,
У тяжущихся за вершокъ
Сажень никакъ не уцѣлѣетъ!

Держась за внуку молодую,
Старуха въ церковь прибрела,
Съ молитвой свѣчку грошевую
Предъ мѣстнымъ образомъ зажгла;
Низехонько поклонъ на право,
Поклонъ на лѣво отдала;
Но внука смотритъ такъ лукаво!
Старуха руку до чела,
Крестясь, на силу ужъ доноситъ;
Въ земной поклонъ съ стороннихъ ногъ
Прахъ на главу сѣдую лёгъ;
И слышно, какъ въ молитвѣ проситъ,
Чтобъ по душу послалъ къ ней Богъ:
Въ годахъ, столь близкихъ отъ могилы,
Не станетъ въ человѣкѣ силы
Съ такимъ усердіемъ, огнемъ,
Молиться Богу о земномъ!
Но ты, порядочно одѣтый,
Не подходи къ старухѣ этой!
Какъ усмѣхается злой Духъ,
Когда постепенямъ, иль вдругъ,
Его прельщеньямъ поддается
Душа, незнавшая грѣховъ,
Тебѣ старуха усмѣхнется;
Глазъ не спуская съ образовъ,
Межь словъ Псалма, предложитъ внуку;
Назначитъ цѣну, за цѣной,

Крестъ сотворя, протянетъ руку!
  Вблизи дороги столбовой,
Малютка голыя колѣни
Склонилъ на свѣжій гробный холмъ;
То стонетъ и лепечетъ пѣни,
То обопрется рукавомъ;
И прижимаетъ, что есть силы,
Къ груди рученкой крестъ могилы.
Средь лѣтъ младенческихъ, такой
Печалью можемъ быть убиты
Въ кончину матери одной!
Его плеча едва прикрыты,
Онъ весь въ слезахъ... Какъ не помочь!...
Прохожій, отъ малютки прочь!
Лжетъ этотъ стонъ, лгутъ эти пѣни,
Не знаетъ онъ, чей гробный холмъ
Мнутъ голыя его колѣни,
А мать смѣется за кустомъ!
  Любя запить покаломъ шумнымъ
Короткій міръ съ желудкомъ буйнымъ,
И больше кушая при томъ,
Чѣмъ позволяло состоянье
И лѣкарское предписанье,
Всѣ гаки дѣда (4 съѣлъ Баронъ!
Число заимодавцевъ онъ
Довелъ до сверхкомплектной роты;

Ручной и головной работы
Терпѣть не могъ — прямой Баронъ! —
А апетитъ, достойный дѣда,
Являлся вѣчно въ часъ обѣда!
Но гербъ не хлѣбъ, подъ векселя жъ
И въ нищенской сумѣ отказъ!
Отъ бѣдъ карманныхъ до разсвѣту
Онъ на корабль улепетнулъ;
Едва за грокомъ отдохнулъ,
Ужъ на бумагѣ всю планету
Проворнѣй обошелъ кругомъ,
Чѣмъ залу въ скучно-длинной Польскій!
Отъ бури поднятой перомъ,
Корабль съ особою баронской
На славу взвизнулъ, далъ прыжокъ,
Какъ на полъ пущенный съ размаха.
Не разъ прихлыснутый волчокъ!
И выпало перо отъ страха!
Отъ сумятохи улетѣлъ
Парикъ баронскій въ глубь морскую:
Весьма похвально, что сумѣлъ
Покинуть голову пустую!
Баронъ же на бревнѣ верхомъ
Пустился въ путь не за добромъ,
И ждалъ, при той ѣздѣ проклятой,
Какъ голося голоднымъ псомъ,
Ходя горою, валъ девятый

Его пожалуетъ толкомъ,
Чтобы отвѣдалъ на просторѣ,
Довольно ль соли въ синемъ морѣ! —
Пока нырять не научусь,
Ногою въ воду не рѣшусь
Для всѣхъ сокровищъ Посейдона,
Какъ скоро выключатъ изъ нихъ
Его Тритонокъ молодыхъ:
Такъ напугалъ расказъ Барона!
Притомъ же мыслей я такихъ,
Что не въ шестую ли часть свѣта
Его швырнула буря эта! —
Утихшій вѣтръ, подъ самый носъ,
Барону берега поднесъ; —
Ихъ имени Баронъ до нынѣ
Намъ не сказалъ по той причинѣ,
Что каждый изъ живущихъ тамъ
И безъ него то скажетъ намъ!
Баронъ, ступая съ видомъ чиннымъ,
Въ слѣдъ за баронскимъ носомъ длиннымъ,
Пришелъ къ Князьку тѣхъ береговъ,
Съ сергой въ носу, безъ сапоговъ,
Расписанному на умору; —
Притомъ по хитрому узору
Наколото и тутъ и тамъ, —
Что для его придворныхъ дамъ
Казалось болѣе, чѣмъ мило.

Какъ на руку свою взглянуть,
Такъ нашему Барону было
Легко того Князька обуть,
Порядочно умыть, наставить,
Какъ вилкой ѣсть, Княженьемъ править;
На кухню не жалѣть казны;
Законы наскоро составить
Изъ предразсудковъ старины;
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Свою особу въ край изъ края,
Какъ по бильярду шаръ гоняя,
Изъ льдины гору сочинилъ,
И на вершинѣ накормилъ
Медвѣдя бѣлаго матросомъ.
Корабль послушный прямо носомъ,
Неосторожно, больно такъ,
Уткнулъ объ каменную гору,
Что на смѣхъ водянымъ бѣднякъ
Курносымъ ходитъ по сю-пору.
Съ морскаго дна китъ приходилъ
Барона тѣшить изъ всѣхъ силъ:
Полъ-океана разбѣгалось
Отъ взмаховъ китова хвоста,
А въ водометѣ изо рта

Другое солнце загоралось;
А Нѣмецъ изъ зубовъ и рукъ
Невольно выпускалъ чубукъ. —
Какъ не пришло на умъ дельфину
Барона посадить на спину,
Чтобъ повозить туда, сюда!
И окунуть бы не бѣда!
И безъ него весьма бъ довольно
Осталося въ краю земномъ
Бароновъ разныхъ съ мѣднымъ лбомъ.
Любя Барона, слышать больно,
Что кто-то видѣлъ огурецъ
Не то съ чуланъ, не то съ дворецъ;
Баронъ же видѣлъ только блюдо,
На коемъ было это чудо
Къ цыпленку подано гостямъ:
Но́ прямо съ грядъ или соленымъ,
Что крайне нужно знать ученымъ,
Баронъ не сказываетъ намъ. —
Такъ много солнце просвѣщенья
Людей съ разсудкомъ развело,
Что прямо въ руки поколѣнья
То путешествіе пришло!
И тотъ Князекъ съ продѣтымъ носомъ,
Медвѣдь съ проглоченнымъ матросомъ,
Корабль отъявленный уродъ,
Отъ злыхъ безденежныхъ невзгодъ

Барона лучше заслонили
Чѣмъ родословные кружки,
Порой нестоющіе пыли,
Невѣстъ безденежныхъ руки;
Чѣмъ щитъ герба, весь полосатый,
Прикрытый шлемомъ, съ парой львовъ,
И большеротой, и косматой,
За щитъ держащійся съ боковъ.

III.

Нашъ міръ становится все хуже,
Я часто отъ отца слыхалъ,
Отцу же чаще пѣсню туже
Его старикъ-отецъ пѣвалъ.
Я жъ думалъ, будучи моложе,
Что то на правду не похоже;
Теперь морщины есть на мнѣ:
И въ ночь любви, и въ часъ обѣда,
Твержу, вздохнувъ о старинѣ,
Слова отца и пѣсню дѣда!
И въ оправданье стариковъ,
Хоть до Камчатскихъ береговъ,
Пойдетъ сей часъ же рядъ вопросовъ,
Стыдя невѣждъ и философовъ:

За чѣмъ князьку Пустову данъ
Дипломъ на Докторское званье?
Онъ жалуетъ такъ любознанье,
Какъ полицейскаго буянъ;
Пустову стоитъ наказанья,
Черкнуть по больше пары словъ
Безъ дамскаго правописанья.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Сержантъ Французскаго полка,
Да Нѣмецъ, Померанецъ взрачный,
И прямо съ фабрики табачной,
На славу въ голову князька
Вдолбили Шлегеля съ Лагарпомъ!
Студенчество прославилъ онъ
Бутылкой, осушенной залпомъ
На ужинѣ à la garçon;
Да секундантствомъ на дуеляхъ
За честь актрисъ и лошадей,
За стулья и стишки друзей;
Да попеченьемъ о мамзеляхъ,
Сидящихъ чинно такъ въ кружку
Съ шитьемъ, у оконъ модныхъ лавокъ.
Дивилъ гусаровъ въ отпуску
Смѣльствомъ средь маскерадныхъ давокъ,

Сынковъ купецкихъ рысакомъ,
Бросавшимъ грязь въ чухну у будокъ;
На дачахъ меделянскимъ псомъ
Пугалъ и взрослыхъ и малюток.
Себѣ присвоилъ право жечь
Сигарку подъ стороннимъ носомъ,
И сдѣлавъ фертъ изъ рукъ, вопросомъ
Перебивать чужую рѣчь.
За то и дорогимъ и вкуснымъ,
Желудки, по воскреснымъ днямъ,
Такъ нагружалъ профессорамъ,
Что по преданіямъ изустнымъ,
На утро сдѣлать не могли
Изъ ногъ и силы разумѣнья
Пристойнаго употребленья.
Бросалъ отцовскіе рубли
Проворнѣе, чѣмъ ихъ чеканятъ;
На лекціяхъ былъ больше занятъ
Пріятнымъ глаженьемъ усовъ,
Чѣмъ разглагольствіемъ обильнымъ
Нахмуренныхъ профессоровъ. —
Усы тѣ съ чувствомъ крайне сильнымъ
Благоволила поправлять
Сама сіятельная мать. —

. . . .

. . . .

Рѣшилъ форштмейстеръ Пузырьковъ,

Что много у Царя деревъ,
Въ лѣсу простора, свѣта мало;
Что отъ мачтовыхъ это зло
До высшей степени дошло:
И въ томъ лѣсу казенномъ стало
Отъ сказанныхъ причинъ свѣтло!
Есть гдѣ слоняться коннымъ, пѣшимъ,
И негдѣ хорониться лѣшимъ;
Его жъ форштмейстеру тепло!
Не гости изъ Казенной были,
Лѣсъ съ понятыми исходили;
Но отъ чего, средь бѣла дня,
Они не встрѣтили и пня
Березки, годной для плетня?
Вотъ кто-то тройкою несется,
Гдѣ черезъ ровъ, гдѣ черезъ пень;
Чубукъ дымясь объ зубы бьется;
Фуражка вздѣта на бекрень,
И кисть конечно золотая,
Болтаясь, свѣтится на ней.
Дуга чуть, чуть не выписная:
Насѣчка и рѣзьба по всей.
Въ телѣжку съ тонкимъ вкусомъ вбиты
Головки мѣдныя гвоздей,
И коврикомъ бока обшиты;
А выкрашенный сторожокъ —
Пестрѣе крыльевъ птички райской;

А подъ дугой, и въ рысь, и въ скокъ,
Зло заливается Валдайскій!
Съ гербомъ изъ жести на груди, 5)
Мужикъ на облучокъ посаженъ
Бить лошадей, кричать *поди:*
Такъ скачущій въ телѣжкѣ важенъ!
Нагайкою надъ головой
Помахиваетъ онъ порой
На страхъ и кучеру и встрѣчнымъ,
И мухамъ злымъ, и тройкѣ злой:
То съ наслажденіемъ сердечнымъ,
Исправникъ Миродеркинъ самъ
Катается по волостямъ!
Не для того, чтобъ съѣсть и выпить
У Головы на счетъ мірской,
Но духомъ недоимку выбить!
Едва на улицу ногой —
Ужъ топнетъ и нагайкой свиснетъ!
Вотъ такъ на бородахъ и виснетъ!
Всѣ на ногахъ, а кто въ ногахъ,
И шапки у поповъ въ рукахъ!
Онъ такъ кричитъ, пока осипнетъ,
Что у гусей бесѣда стихнетъ;
Онъ такъ грозитъ, что у дѣтей
На печкѣ замираетъ сердце,
Старушка на Святыхъ скорѣй
Набрасываетъ полотенце....

Вдругъ Миродеркинъ отъ чего
Такъ смиренъ, какъ вода въ колодцѣ?....
Изъ чьихъ доходовъ у него
Уборъ горитъ на иноходцѣ?
Ужъ куры не клюютъ овса;
А водку, хоть чрезъ полчаса,
Весь день пей стряпчій, пей проситель;
Ужъ фракъ завелъ письмоводитель;
Исправница въ рядахъ живетъ,
И лишняя у ней коровка,
Чьего-то сахару головка;
А недоимка все роститъ!
. . . .
. . . .
. . . .

Порой хозяева Пегаса
Зачѣмъ нестоющимъ и часа
Безсмертье щедро раздаютъ?
Хотя пустить въ нихъ чѣмъ попало,
Хоть камнемъ, коль сатиры мало,
Почли бы за пріятный трудъ.
Въ стихахъ уподобляютъ розѣ
Такую даму, коей въ прозѣ
Полынь съ крапивой предпочтутъ!

Грабилкинъ, Зловъ по службѣ были
Льдомъ на добро, огнемъ на зло;
А взятки какъ себя любили:

Все къ ногтю, что до рукъ дошло!
Но было сверхъ ихъ разумѣнья
Святое правило дѣленья;
За то задѣтые путемъ
И на стопѣ не отписались,
И не отбилися челомъ,
Но въ Уголовную попались!
А Уголовная (дай Богъ,
Чтобъ былъ обитъ ея порогъ
Секретарями и купцами!)
Не потакнетъ грѣхамъ судей
И съ Петербургскими связями
За сотни устрицъ съ кораблей,
(Хотя живетъ не на готовомъ)
За многое число аршинъ
Холста исписаннаго Довомъ;
За длинный книжный магазинъ
Съ не романтическою блажью;
За весь музеумъ Свиньина,
И даже за уху стерляжью:
Вотъ какъ, на зло молвѣ, честна!
Грабилкинъ, Зловъ готовь удавку!
Такъ ясно вывела на справку
Про руки ихъ и *то*, и *то*;
Ни пальчика не оправдала,
Но исполненіе начто
До *милостивыхъ* продержала?

За чѣмъ Бубновъ еще не тамъ,
Гдѣ кормятъ, подъ Сибирскимъ небомъ,
Ему подобныхъ царскимъ хлѣбомъ?
. . . .
Людьми, у коихъ честь порой
Не такъ чтобы въ чести большой,
Бываетъ принятъ и обласканъ?
Не разъ понтерами былъ таскаи́ъ,
Въ проклятый списокъ шуллеровъ
Полиціей внесенъ не даромъ;
Живетъ послѣднимъ изъ жидовъ;
Отставленъ съ грязнымъ формуляромъ.
А нажилъ все изъ ничего
Отъ тѣхъ, которые не въ оба,
И на водахъ, и въ *дѣтской* клоба,
Смотрѣли на руки его.
На томъ стоитъ, какъ бы дороже
Пукъ ассигнацій своихъ
Продать безпутной молодежѣ.
И старъ, и холостъ, а родныхъ,
Ходящихъ съ голыми локтями,
Не терпитъ только отъ того,
Что послѣ похоронъ его
Вдругъ сдѣлаются богачами!
Его ужъ за лицо одно

Братъ съ радостью бы не звалъ братомъ:
Оно слюнявое развратомъ
Какъ палачемъ заклеймено!
Знавали ль Графа Сполядрала,
Оставленнаго Генерала?
Онъ Жомини не дочиталъ
За недосугомъ отъ разводовъ,
Свои помѣстья округлялъ
Изъ чистыхъ полковыхъ доходовъ;
А дымъ пороховой любилъ,
Какъ моська любитъ дымъ вагштафа.
За чѣмъ же кто-то посвятилъ
Побѣдамъ отставнаго Графа
Два тома тоненькихъ такихъ,
Что вѣрно-бъ умѣстились въ нихъ
Побѣды двухъ Наполеоновъ?
Капцовъ судья съ лихимъ перомъ,
Въ умѣ весь океанъ законовъ;
По Гречу съ Русскимъ языкомъ,
Какъ съ собственной женой знакомъ;
Но видно такъ въ его рѣшеньяхъ,
Что сверхъ понятія его
Различіе въ мѣстоимѣньяхъ
Мое, твое; а отъ чего?
Зачѣмъ издатели журналовъ,
Какъ мухи лѣтомъ опахаловъ,
Не любятъ правды круглый годъ?

Въ обмолвкахъ даже вѣчно правы,
. . . .
А слабости у сихъ господъ
Однѣ съ кокеткою въ обновкѣ,
Когда предъ баломъ то и сё
Улаживаетъ на головкѣ.
Зачѣмъ по отношеньямъ всё
Съ одними поступаютъ хуже,
Чѣмъ дѣти съ плѣннымъ мотылькомъ;
Трунятъ надъ ними — жалко въ чужѣ —
Какъ баснописцы надъ осломъ?
Другихъ такъ надѣляютъ щедро
Своимъ журнальнымъ жемчугомъ,
Какъ лѣтомъ комарами ведро;
Какъ кисть художника портретъ
Богатой дѣвы зрѣлыхъ лѣтъ,
Всѣмъ тѣмъ, что нравится мужчинамъ?
Все умствуютъ по тѣмъ причинамъ,
По коимъ носятъ дураки
Съ бубенчиками колпаки!
И воздвигаютъ — какъ лукавы —
На курьихъ ножкахъ, храмы славы
Изъ свѣтлыхъ мыльныхъ пузырьковъ
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .

Тебѣ, палачъ ушей, Хлыстовъ,
Разсудка здраваго убійца,
Послѣдняя въ телѣгѣ спица! —
Чтобъ приманить къ своимъ листкамъ
И академиковъ, и дамъ,
(Скажу безъ злости, безъ прикрасы)
Въ своихъ програмахъ точатъ лясы,
Какъ въ балаганахъ о Святой,
Заманивая чернь, паяцы!
Картинку съ дичью, съ ветчиной,
Съ бильярдомъ, надъ дверьми одной
Изъ преголодныхъ ресторацій,
Напоминаетъ часто намъ
Фифіологія програмъ. —
Какъ наши тощія газеты,
Статьи односторонни такъ,
Но обнимаютъ всѣ предметы!
Изъ нихъ научится колпакъ,
Какъ быть умѣреннымъ и въ пищѣ,
И въ чтеніи другихъ листковъ;
Писать и одѣваться чище;
Не красть ни мыслей, ни платковъ;
Переводить мышей и Канта;
Какъ царство цѣлое въ напасть
Поддерживать плечьми Атланта;
Дитяти въ ротикъ ложкой класть,

Не обжигая ротикъ, кашку! —
На журналистовъ по-дѣломъ
Иной глядитъ, какъ на мардашку
Съ разинутымъ отъ злости ртомъ,
Глядитъ котъ, сѣвшій на хоромахъ,
И умываньемъ занятой!
Зачѣмъ изъ нихъ тотъ и другой
О вражескомъ стишкѣ и томахъ,
О логикѣ и запятыхъ,
Вѣкъ пишетъ кошечьею лапой,
Обмокнутой въ желчь псовъ цѣпныхъ?
Ихъ лбы не подъ военной шляпой,
И врядъ ли у иныхъ рука
Дотрогивалась до клинка;
Стрѣльбу имъ слышать удавалось
Изъ батареи только той,
Отъ коей дымъ ходилъ Невой,
Отъ коей съ крикомъ подымалось
Съ Кремлевскихъ башенъ воронье;
Народъ, ей Богу, не походный,
И кажется мнѣ больше годный
въ обозъ чѣмъ подъ ружье;
Но межъ собою на порядкахъ,
Не за Парнасъ голодный, вѣкъ,
Въ столь жаркихъ перестрѣлкахъ, схваткахъ,
Какъ Русскій съ Горцемъ за Казбекъ!
А если на часокъ поладятъ —

Другъ друга противъ шерсти гладятъ!

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Зачѣмъ . . . . боюсь — мои *зачѣмъ*
Прибавятъ желчи людямъ тѣмъ,
Отъ желчи коихъ прежде должно
Свою особу отдѣлить
Полміромъ цѣлымъ, если можно,
А тамъ ужъ правду говорить!
Не то скорѣй рѣшуся жить,
Смиря порывы чувствъ высокихъ,
Въ зависимости у глупцовъ;
Извѣдать скуку одинокихъ,
Дряхлѣющихъ откупщиковъ;
Тягаться съ обществомъ купцовъ;
Нѣмецкой мудрости, за тучей
Изъ непонятныхъ словъ, искать;
Гніенія законъ вонючій
Въ лабораторьи наблюдать:
Дороже славы безопасность!
Притомъ людей хоть гладь, хоть рѣжь,
Все люди вѣчно будутъ тѣжъ!
Имъ страшенъ не порокъ, а гласность. —
Еще до низости какой
Насъ, лучшее Творца созданье,

Не довело любостяжанье!
А все и малой и большой
Такъ съ настоящимъ поступаетъ,
Какъ съ годъ по сватьбѣ, мужъ съ женой,
Которой онъ цѣны не знаетъ
По той причинѣ, что она
Не посторонняя жена.

IV.

. . . .
. . . .
. . . .

Не то, признаться, люди бъ были,
По милости своихъ головъ,
Такое взбалмашное стадо,
Которое отъ скуки радо
Загрызть и псовъ и пастуховъ!
Я бъ дорого далъ за искусство,
Какъ жить съ людьми, питая къ нимъ
Глубокое презрѣнья чувство!
Терпѣнья умнымъ, лѣни злымъ
Недостаетъ отъ міозданья;
И прибавляютъ имъ познанья
Все самолюбья, не ума!
И *здѣсь*, и *тамъ*, злодѣевъ мало,

Не много добрыхъ, слабыхъ тьма,
Отъ коихъ міру не бывало
Ни горячо, ни студено!
Пусть правду говорить опасно,
Но утаить ее грѣшно!
Скажу и коротко и ясно:
Нашъ бѣлый свѣтъ куда не бѣлъ,
Но все бѣлѣе нашихъ дѣлъ!

. . . .

У воина во цвѣтѣ лѣтъ

. . . .

Но этимъ не любуйтесь, люди!
Гіероглифовъ тѣхъ ярчѣй
На перстнѣ у него играетъ
Рядъ крупныхъ, дорогихъ камней;
И воину напоминаетъ
Не мать, не дружбу, не любовь,
Но приступъ, вопли, всюду кровь,
При небѣ отъ пожара свѣтломъ;
И дѣву блѣдную въ тоскѣ,
Осыпанную жаркимъ пепломъ;
И перстень на ея́ рукѣ
Поднятой съ шопотомъ молитвы.
Средь ночи, ужасами битвы
Отъ матери оторвана
И къ мостовой пригвождена.
И вѣтерковъ ночныхъ ласканье,

И зданій трескъ, и блескъ ружья,
И теплый трупъ у ногъ ея
Приводятъ дѣву въ содроганье;
А на груди полунагой
Пожара яркое сіянье!
Не помнитъ воинъ молодой
Ея рѣчей, красы замѣтной;
Но вспомнитъ на постелѣ смертной,
Какое чувство выражалъ
Дрожащей дѣвы взоръ печальный,
Въ то время, какъ съ руки срывалъ
Тотъ перстень — перстень обручальный!
  Есть страсть, какъ льстецъ низка она,
Душѣ, какъ жизни ядъ, вредна;
Служеньемъ одному кумиру
Тиранитъ юношей, едва
Успѣвшихъ пристраститься къ міру,
И старца, коего глава
Къ землѣ приближена годами; —
Гасильникъ нравственныхъ страстей,
И пытка чувствамъ матерей!
Какими быстрыми шагами
Проходитъ вѣрный рабъ ея
Всю безконечность разстоянья
Невинности отъ злодѣянья!
То при талантахъ страсть сія,
Въ домашней жизни, въ жизни ранной,

Что духъ нечистый въ алтарѣ!
То страсть проклятая къ азартной,
Достойной палача, игрѣ!
Какъ упованья бездны ада,
Не знаютъ чести игроки;
Долгъ дружбы, совѣсти услада,
Отъ нихъ какъ небо далеки! —
Такъ сердцу холодно отъ взгляда
Въ нѣмыя души игроковъ!
Надежда ихъ безъ сладкихъ сновъ:
Она подобье той боязни,
Съ которою преступникъ ждетъ
Помилованья или казни!
Отвѣдать жизни не даетъ.
Ихъ лица, въ проигрышъ блѣднѣя,
Багровѣя, искажены
Невольной судоргой злодѣя
Въ свершенье дѣла Сатаны!
Ихъ трепетъ радостный, ихъ жадный
На выигрышъ вперенный взглядъ,
Такъ отвратительны, какъ смрадный
Раздавленный ногою гадъ!
Имъ, лютой язвѣ, не на радость
Въ законахъ много есть страницъ;
Но худо охраняютъ младость
Отъ этихъ нравственныхъ убійцъ,

Невѣдающихъ сострадапья,
Какъ падшій ангелъ покаянья!
  Мартышкинъ вѣчно на ногахъ,
Встрѣчается въ большихъ домахъ,
Въ кандитерской, въ простомъ трактирѣ;
Судя по виду, у него
Ни нуждъ, ни дѣлъ нѣтъ въ цѣломъ мірѣ
Ни до кого, ни до чего;
А съ мостовою неразлучно
Живетъ затѣмъ, что дома скучно,
Что пальцы на рукѣ своей
Считать внѣ дома веселѣй.
О чемъ судить грѣшно, опасно —
Съ глупцами судитъ велегласно;
Уменъ, но съ умными людьми
Толкуетъ вѣчно о бездѣлкахъ,
Какъ няня старая съ дѣтьми,
Закачивая ихъ въ постелькахъ.
Давно безъ мѣста, безъ связей,
Но много значущихъ людей
Поклоничаютъ, какъ вельможѣ;
Онъ, какъ въ судѣ проситель, тихъ,
Какъ Жидъ услужливъ, но иныхъ
Такъ подираетъ страхъ по кожѣ
Отъ встрѣчи съ нимъ, какъ будто онъ
Прямой холерой зараженъ!
Предъ смертью что-то мать узнала,

О сынѣ поднимая плачъ,
Въ благословеньи отказала!
Онъ не разбойникъ, не палачъ,
Въ дѣтей живетъ онъ, но до смерти,
Безъ краски срама на лицѣ,
Безъ чувства омерзенья, дѣти
Не вспомнятъ о своемъ отцѣ!
Ктожъ онъ?.... его уже поноситъ
Одинъ такой вопросъ о немъ!
Будь остороженъ, если спроситъ
Тайкомъ объ имени твоемъ;
Пусть разомъ твой языкъ въ немъ станетъ,
Когда онъ голову свою,
Чтобы послушать рѣчь твою,
Къ тебѣ украдкою протянетъ!
Онъ.... онъ послѣдній изъ людей!
Торгуетъ тайнами друзей;
И безпощаднѣй, и презрѣннѣй
Разбойничьяго топора;
Крапъ, составляя шуллера,
Его душею возвышеннѣй!
А хлѣбъ ему, какъ палачамъ,
Даютъ людскія преступленья;
Въ томъ честь его, въ чемъ вѣчный стрáмъ!
Людей съ сѣтями искушенья
Обходитъ съ четырехъ сторонъ,
И добродѣтельныхъ паденья

Какъ дьяволъ жадничаетъ онъ!
И виноватые, какъ пища,
Вседневно надобны ему....
О Боже, въ наши пепелища,
Въ замѣнъ его пошли чуму!
Готовъ, не находя виновныхъ,
Оговорить друзей и кровныхъ,
Какъ смѣетъ тать оговорить,
Чтобы день казни отдалить!
  На вскормленныхъ огнями неба,
Зажатыхъ десятинахъ хлѣба,
Кой-гдѣ лучемъ отличены
Серповъ лежащихъ кривизны;
Снопы въ крестцахъ теребятъ птицы;
По жниву мальчики толпой
Бѣгутъ за мышью полевой.
Но гдѣ жъ они, жнецы и жницы?
Въ тѣни крестца сидитъ старикъ,
Ногой качая въ зыбкѣ крошку,
То поплететъ себѣ изъ лыкъ,
То наклонясь поправитъ соску,
То покосится на воронъ; —
Давно ужъ не работникъ онъ. —
Вдругъ дѣти стали отъ испуга,
Блѣднѣя, жмутся другъ за друга!
Закрывшись рукавомъ, меньшой
Защиты проситъ у родной!

Гнетъ спину, клонитъ лобъ до праха,
Привставшій кое-какъ старикъ,
Бормочетъ между тѣмъ языкъ
Хулы несвязныя отъ страха:
. . . . (*)

Убогому гробъ сколотили
Изъ набранныхъ кой-гдѣ досокъ;
И на кладбищѣ уголокъ
Сторонніе сложась купили;
А на покровъ холста кусокъ
Сосѣдъ богатый далъ раздобрясь.
Безъ звуковъ пѣсни гробовой,
Два друга, сѣтуя и горбясь,
Гробъ понесли по мостовой;
Отъ скачущихъ каретъ порой
Сворачивали въ переулки;
И часто жались къ сторонамъ
Отъ медленно идущихъ дамъ
Въ нарядахъ утренней прогулки.
Лишь дочь семи, восьми годовъ
Брела за гробомъ; все хваталась
За холщевой его покровъ:
Полу-одѣтая боялась,
Что суетясь, толпясь, народъ
Ее отъ гроба оттотретъ;

(*) Здѣсь недостаетъ многихъ стиховъ.

Грошъ кинуть ей, тоской убитой,
Купцу не жаль а только лѣнь;
И видя гробъ холстомъ покрытый,
Не кланялася гробу чернь. —
Съ Распятьемъ крестика груднаго,
Съ слезами друга и родиаго,
Съ ихъ поцѣлуями взяла
Того убогаго могила;
Ей Вѣра въ пѣсняхъ миръ сулила;
Ей церковь тѣнь свою дала,
И Образъ вдѣланъ въ крестъ сосновый.
Убогій, жди костямъ обидъ!....
Толпа глядитъ и не глядитъ,
Какъ смѣло, для могилы новой,
Сосновый крестъ, обросшій мхомъ,
Толчкомъ ноги съ могилы сброшенъ!
Какъ заступомъ снятъ гробный холмъ,
Какъ гробъ проломленъ, весь искрошенъ
Жилецъ, давно изсохшій въ немъ!
Ни кѣмъ не поднятъ крестикъ мѣдный,
Задѣтый заступа концомъ;
Свидѣтельствуетъ онъ, что бѣдный
Былъ погребенъ подъ симъ холмомъ.
Въ кускахъ и крошкахъ остовъ пыльный,
Съ гнилушками доски могильной,
Съ обрывками волосъ, корней,
Проникшихъ въ пустоту костей,

На дернъ могилъ сосѣднихъ брошенъ.
(На немъ лежатъ до вѣтерка
Два саванные лоскутка.)
Ни кѣмъ могильщикъ не былъ спрошенъ,
Чьи кости обижаетъ онъ;
Ни кто за нихъ не молвилъ слова,
Не попросилъ его, чтобъ снова
Костямъ пріютъ былъ удѣленъ:
Не злы, а равнодушны люди! —
Вблизи кладбища, подъ кустомъ,
Не наиграется крестомъ,
Заржавѣвшимъ на мертвой груди,
Крестьянки маленькая дочь. — —
Старуха нищая, всю ночь
Передъ родительской Субботой,
Промаялася за работой,
И какъ-то рубль пріобрѣла;
И, вся дрожа отъ чувствъ печальныхъ,
На то кладбище принесла
Два, три сосуда деревянныхъ
Съ блинами, чернымъ пирогомъ,
Чтобъ ихъ поставить надъ отцомъ;
Могилѣ въ землю поклониться,
И отслужить за упокой
Съ той мыслію, что подъ землей
Отъ пѣсней Вѣры слаще спится!...
Другой жилецъ въ могилѣ той

Завален мраморомъ огромнымъ,
Съ рѣзьбою хитрою кругомъ,
Съ литымъ увѣнчаннымъ гербомъ,
И съ надписаніемъ нескромнымъ!
Рѣшеткою изъ чугуна
И позолоченой мѣстами
Могила та обведена. —
Случалося, что подъ ногами
Пришедшаго издалека
Дивиться мрамору, рѣшеткѣ,
Хрустѣли кости бѣдняка.
Кто изъ живущихъ въ околодкѣ
Сберетъ къ сторонкѣ кости тѣ;
На нихъ, въ сердечной простотѣ,
Земли пригоршнями наноситъ;
У неба мира имъ попроситъ,
И отходя перекреститъ!
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Народъ сбѣжался съ улицъ дальныхъ
На свадьбу славную въ Москвѣ;
При яркомъ блескѣ свѣчъ вѣнчальныхъ,
На темно-русой головѣ
(Она къ груди невѣстой-дѣвой

Наклонена въ невольный стыдъ)
Достойный дочери царевой
Уборъ играетъ и горитъ!
Невѣстинъ станъ на ослѣпленье
Алмазный поясъ обхватилъ;
Станъ этотъ, легкій какъ видѣнье,
Въ Элладѣ бъ древней приманилъ
Амура влюбчиваго руки;
Его въ отчизнѣ Лалла-Руки
Сравнилъ бы съ пальмою поэтъ!
Какъ въ полный пламенемъ разсвѣтъ
Росинки на младой лилѣ,
Такъ жемчугъ свѣтится на шеѣ!
Но многолюдная толпа
Невѣстину лицу дивится:
Сама враждебная судьба
Предъ красотой ся смирится!
Умъ свѣтится въ глазахъ большихъ,
Какъ море темно-голубыхъ;
И можно ль видѣть безъ участья,
Какъ разлилося по щекамъ
Зарей нездѣшней чувство счастья!
Какъ слезы радости, къ грудямъ,
Румянецъ вспрыснувши, катятся:
Очаровательны онѣ,
Какъ сонъ на чуждой сторонѣ,
Когда поля родныя снятся!

Но я съ презрѣніемъ смотрю
На ту нездѣшнюю зарю,
На эти радостныя слезы!
Какъ къ жребію тафтяной розы
Измятой, брошенной въ окно,
Къ невѣстѣ сердце холодно:
Узнала рано состраданье
Къ любви покорной и нѣмой;
И сердцемъ помнитъ, какъ въ признаньѣ
Плѣнившаго душой, собой,
Ей сладко было потеряться,
Потупить взоръ, и одолѣвъ
Врожденную стыдливость дѣвъ,
Въ взаимной склонности признаться.
Зависѣло лишь отъ нее
Узнать чрезъ счастіе свое,
Какъ добрымъ юношей любима:
Тщеславье увлекло ее,
Какъ вѣтеръ облачко изъ дыма!
И будто въ Маѣ клокъ снѣжку —
Жизнь юноши того въ тоску
Объ неисполнившей обѣта!
И холоднѣе этикета
Та дума, съ коею она,
Въ слезахъ отъ полноты восторга,
Передъ налой приведена:
И чувствъ любви земной, и Бога,

Та дума грѣшная чужда,
Та дума о мильонѣ звонкомъ,
Который ей за слово *да*
Отсчитанъ Крезовымъ потомкомъ!
(Когда бы не его мильонъ,
То бъ въ кучера годился онъ,
Родъ бочки съ носомъ обезьяны.)
Металла звонкаго кружки
Красавицамъ наносятъ раны
Вѣрнѣй Амуровой руки!
Особенное для дѣвицы
Всевышній благо сотворилъ,
Онъ лучшаго не удѣлилъ
И дочерямъ самой Царицы!
То благо: добрый мужъ. Но что жъ?
Въ вѣнцѣ, передъ налоемъ, дѣва
Для Денегъ произноситъ ложь! —
Къ чему листкамъ, упадшимъ съ древа,
Небесъ жемчужная роса:
Къ чему невѣстѣ той краса!
Заплачетъ отъ негодованья
На силу собственныхъ очей:
Онѣ въ покупщикѣ желанья
Зажгутъ не въ наслажденье ей!
Примятъ готова блескъ лампадный,
Прокравшійся сквозь занавѣсъ
На прелесть груди ненаглядной,

За наказаніе Небесъ:
Объятія безъ сладострастья
И поцѣлуи безъ души
Мучительны въ ночной тиши!
При нихъ грудь тише мглы ненастья.
О какъ того, кто не любимъ,
Любовный лепетъ нестерпимъ!
Какъ сердце ноетъ, холодѣетъ,
Касаяся груди того,
Кто чувствъ не стоитъ, не умѣетъ
Понять высокихъ думъ его!
Къ чему въ ней жаждой встрѣчи милой
Младая кровь вскипячена:
Та жажда на груди постылой
Не будетъ вѣкъ утолена!
Къ чему грудь пылкаго участья
Къ всему прекрасному полна,
Та грудь младая продана!
Къ чему, подобно чувствамъ счастья,
Угаснимъ съ пыломъ бытія,
Въ насъ звуки голоса ея
На долго оставляютъ сладость:
Ужъ нѣкому тѣмъ звукамъ вновь
Въ ея плѣнительную младость,
Высказывать ея любовь!
Напрасно жаромъ сладострастья
Уста прекрасной обдаютъ:

И сердце и душа участья
Въ ихъ поцѣлуяхъ не возьмутъ!
Предъ нею жребіемъ не низки
Полунагія Одалиски,
Какъ съ отвращеніемъ въ душѣ,
Онѣ, боясь воловьей жилы,
Устами силятся Пашѣ
Отдать потерянныя силы!....
На ложѣ, ей не одинокой,
Приснилась первая любовь —
Тотъ юноша съ душой высокой,
И разыгралася въ ней кровь!
Руками ловитъ, шепчетъ: «милый,
«Минувшее возобнови!»
И вдругъ съ видѣніемъ любви
Проснулась на груди постылой!
Могилой обдало ее;
Прижала губы къ изголовью,
Чтобъ скрыть рыданіе свое;
И въ безнадежность рада кровью
Возвратъ того часа купить
Въ которой *онъ* клялся любить!
Презрѣнье жалкое съ укоромъ
Смѣшалося во взорѣ скоромъ
На мужа, коего лице
Дано Гогартомъ Гудибрассу;
Срываетъ брачное кольцо;

И отъ полуночнаго часу
До утреннихъ лучей, она
Зоветъ, метавшися на ложѣ,
Видѣнье сладостнаго сна;
Ломая руки, шепчетъ: «Боже,
«Зачѣмъ любовь пренебрегла,
«За деньги руку отдала!»

V.

Жизнь коротка, а время длинно!
И Скука крылья у годовъ
Обрѣзываетъ безъ чиновъ!
Сидитъ на каѳедрѣ такъ чинно,
Какъ будто только для нее
У насъ Ученое Сословье
Изволитъ дома на здоровье
И пить, и кушать не свое!
На лаковомъ полу дворцовомъ
Она скользитъ съ временщикомъ;
И на снѣгу, въ краю суровомъ,
Томится съ нищимъ подъ окномъ;
Съ пловцами носится вкругъ свѣта,
Къ отчизнѣ съ ними пристаетъ;
И съ земледѣльцемъ до разсвѣта

За плугомъ медленно идетъ;
Съ виномъ заморскимъ бьется въ кубкахъ,
И пьешь его за Русскій квасъ;
Въ условленный свиданья часъ
Счастливца ждетъ на дамскихъ губкахъ.
Невольно Скукѣ наши рты
Въ концертѣ, въ сельскомъ хороводѣ,
На масляницѣ и въ посты,
Честь отдаютъ, какъ долгъ природѣ!
Страстямъ и чувствамъ гробъ она;
Однообразьемъ рождена.
Отъ Скуки, при женѣ прекрасной
Бываемъ влюблены въ носъ красной;
А балы кажутся длиннѣй
Плаксивыхъ Юнговыхъ ночей!
А Благородное Собранье,
Ужъ не взирая на сіянье
Кинкетокъ, бралліантовъ, звѣздъ;
На присѣданье, на киванье
Такъ размалеваныхъ невѣстъ;
На важничанье чахлыхъ тетокъ,
Для коихъ наступилъ ужъ часъ
Заняться переборомъ четокъ —
Точнехонько гранпасіансъ,
Уже разложенный сто разъ!
Головоломную прическу,
Билетовъ визитерныхъ возку;

Гекзаметры въ два-три вершка;
Въ Москвѣ цѣлительныя воды,
(Не изцѣленье, а тоска!)
Далеко-шумные разводы;
И выставку живыхъ картинъ,
Которыя прямая мука
Для немоloденькихъ кузинъ,
Изобрѣла злодѣйка Скука!
Чтобы отдѣлаться вполнѣ
Отъ этой гостьи ненавистной,
Намъ надо лѣни безкорыстной
Такъ много, чтобъ и въ сладкомъ снѣ
Хотѣлось спать еще послаще!
Мухъ колошить какъ можно чаще;
Для шляпы только лобъ имѣть;
И съ тьмою Денегъ подъ руками,
Лежачихъ Денегъ не терпѣть!
Какъ сладко съ этими грѣхами
Спокойно безполезнымъ быть,
Существованье ногъ забыть!
Завистникамъ въ умѣ незрѣломъ
Не льзя тѣхъ смертныхъ упрекнуть,
Которые въ кругу веселомъ
Отъ жизни любятъ отдохнуть! —
Заставитъ Скука, насъ за вистомъ,
Зѣвнуть при четырехъ тузахъ;
Заставитъ астрономовъ свистомъ

Смѣнить заботу о звѣздахъ;
Вельможу дѣтямъ изъ бумажки
Вырѣзывать коней, коляски —
Не подѣлиться кошелькомъ!
Я подѣлюся огонькомъ,
Я надѣлю благимъ совѣтомъ,
Поклонъ отдамъ, стулъ уступлю;
Но что до Денегъ, то объ этомъ,
И слышать что-то не люблю!
Какъ романтическій невѣжа,
Я тѣхъ стиховъ не дочиталъ,
Въ которыхъ, за Фалернскимъ лежа,
Горацій бѣдность величалъ:
Съ кладбищемъ холмъ я видѣлъ гдѣ-то,
Срисованъ шумнымъ бѣгомъ волнъ,
И зеленъ, и душистъ, и полнъ
Прохладой въ пламенное лѣто;
И виды изъ картинъ кругомъ;
И камни гробные на немъ
Отдѣланы со вкусомъ, пышно;
Однако, все таки, не слышно,
Чтобъ кто для этаго всего
Поторопился лечь въ него!
На золото бросаю взгляды
Такіе нѣжные, какихъ
Любовникъ пылкій, въ мигъ награды
За постоянство чувствъ своихъ,

За претерпѣнныя напасти,
Не брасывалъ на дѣву страсти!
Какъ есть у каждаго лица
Свой носъ, прекрасный или красный;
Какъ есть у каждаго писца
Свой почеркъ, связный или ясный,
Такъ есть у каждаго изъ васъ
Особенное оправданье,
Длиною съ Русское *сей-часъ*,
На каждое вамъ нарѣканье
Въ грѣхѣ большомъ и небольшомъ!
Въ моемъ же чисто *золотомъ*
Есть оправданіе живое,
Сіятельное, столбовое:
Кубышкинъ. Гробомъ пахнетъ онъ,
Покоитъ не одинъ мильонъ;
Но все такаго полонъ жара
Къ чужимъ мильонамъ, что готовъ
Для нихъ спрыгнуть съ земнаго шара!
Его душа — жидъ изъ жидовъ,
Но хватится для Денегъ смѣло
За самое святое дѣло! —
Отечество тамъ у него
Гдѣ гонится вино его,
Лежатъ ломбардные билеты,
Недонятыхъ процентовъ смѣты. —
Досель изъ опыта, изъ книгъ,

Я важной тайны не постигъ,
Какъ у иныхъ, еще въ столицахъ,
При дочкахъ, чопорныхъ дѣвицахъ,
Ведутся Деньги круглый годъ!
Хотя и дней въ году не мало,
И то, что въ кошелекъ попало,
Не все барышъ, не все доходъ! —
Людское самолюбье — муха:
Какъ ни махай платкомъ въ рукѣ —
Съ жужжаньемъ вьется возлѣ уха,
Иль отдыхаетъ на щекѣ!
Оно все шепчетъ слаще милой,
Что просто, умственною силой,
Мнѣ бъ единицу удалось
Съ полу-грѣхомъ себѣ составить,
Когда бы счастіе взялось
Къ ней нѣсколько нулей прибавить!
Но если Англійскій Набобъ, (6
Котораго толкаютъ въ гробъ
Врачи и сплинъ, свое имѣнье
Мнѣ завѣщаетъ одному,
То Рокъ-злодѣй выздоровленье
Немедленно пошлетъ ему!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Испанское кушанье, составленное изъ разныхъ кушаньевъ.

2) Румфордовъ супъ.

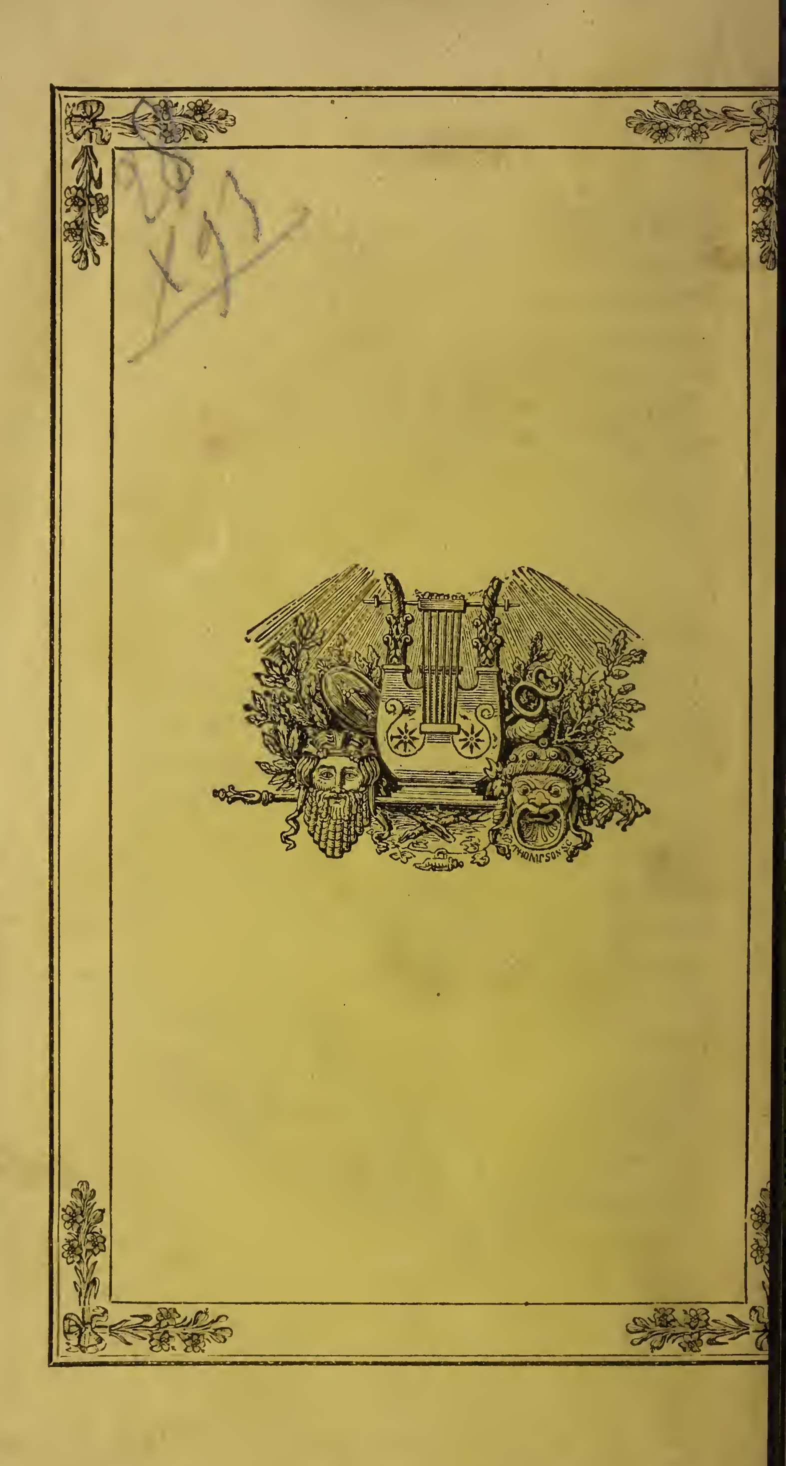
3) Паровые дилижансы.

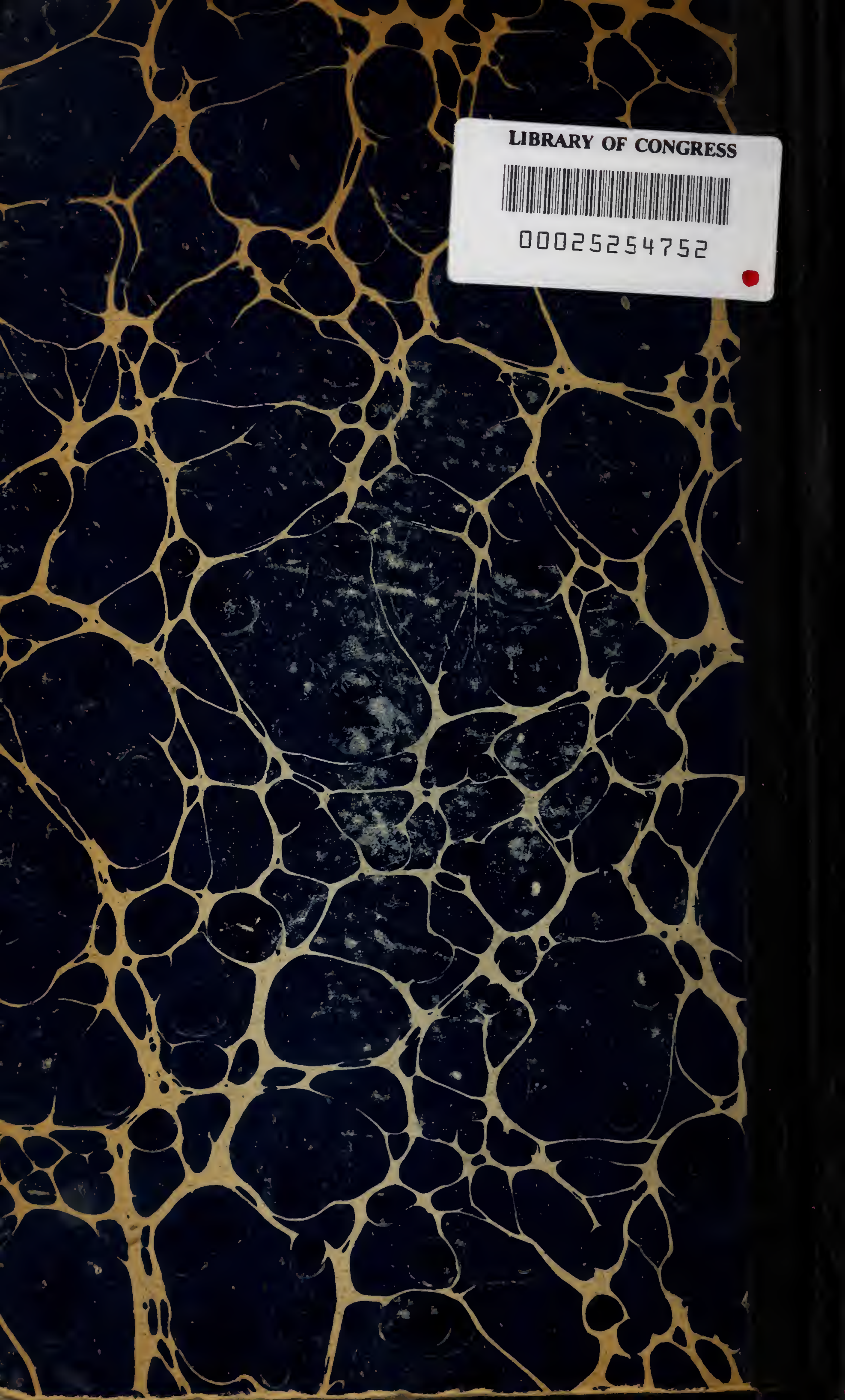
4) Мѣра земли въ Остзейскихъ губерніяхъ.

5) Знакъ, который носятъ сотскіе.

6) Такъ называютъ въ Англіи людей, составившихъ себѣ богатство въ Остъ-Индіи.

LIBRARY OF CONGRESS
00025254752